Дж.Ревелли (Италия)

СКАЗАНИЯ О ЧУДЕСАХ В ЛЕГЕНДАХ О СВЯТОМ ВЯЧЕСЛАВЕ И В ЖИТИЯХ БОРИСА И ГЛЕБА

Тематические сходства и лексические совпадения, относящиеся к *Легендам* о святом Вячеславе и Борисе и Глебе, являются особенно очевидными в некоторых эпизодах, характеризующих чудеса святого Вячеслава и святых Бориса и Глеба. Как предусматривалось средневековым агиографическим каноном, в последней части жития одного святого всегда помещался рассказ о его чудесах. В соответствии с христианской верой, Господь, по ходатайству своих святых угодников, проявляет благословение к верным людям, совершая преславные чудеса[1].

Тела князей-мучеников Вячеслава, Бориса и Глеба лежали в забвении. Но Господь не мог допустить, чтобы мучение святых князей не прославлялось людьми, и поэтому, по божественной воле, на месте, где лежали их тела, начали проявляться удивительные чудеса[2]. Таким образом верные люди узнали о телах святых, затем перенесенных торжественно и празднично в церкви для народного почитания[3]. В *Легенде Гумпольда*[4], как и в *Crescente fide*[5], сам Господь приказывает во сне некоторым верующим увезти тело Вячеслава в церковь святого Вита. В *Легенде Никольского*, однако, верующие люди пошли рассказать сон князю, который сразу послал своих слуг, чтобы они привезли тело святого (с. 60)[6]. За трогательным повествованием о перенесении мощей святого Вячеслава в церковь святого Вита в Прагу следует рассказ о первом чуде, которое произошло во время открытия гробницы: тело святого было найдено целым, без язв. На нем были лишь раны, нанесенные ему убийцами. В *Легенде Гумпольда* это преславное чудо рассказывается такими словами: «Sarcofagum aperiunt; et ecce corpus carnea adhuc mole integrum et per cincta vulnera sanum, apparentibus tantum plagarum signis, nisi solum vulnus fraterna ense factum...» (с. 62). И в *Легенде Никольского*: «Святоую ракоу отвориша. Свѣща же въжегъше смотриша. И се тѣло плотїю и еще цѣло явися. И от всѣхъ язвъ бывшихъ на немъ исцелено развѣ единоя язвы яже от братня меча» (с. 62–64).

О том же самом чуде рассказывается с удивительным волнением и в *Сказании о Борисе и Глебе*, в *Сказании о чудесах Бориса и*

Глебе и в *Чтении о Борисе и Глебе*. После выкапывания тела Бориса и Глеба были найдены целыми, светлыми и яркими, как снег, без пятен и ран. От них исходило дивное и сильное благоухание, распространявшееся по городу. В *Чтении*[7] мы читаем: «И открыша рацѣ святою. Ти видѣша тѣло блаженою, ни понѣ единого струпа от язвъ имуще на собѣ и бѣста акы снѣгъ бѣлѣюшася. Лице же ею свѣтяся акы ангелома. ... Исполни же благоухания не токмо мѣсто то, нъ яко и всь градъ, яко же не мощи имъ насытитися благыя воня» (с. 672). Подобными словами описывается это событие в *Сказании о чудесах*: «Отъкры гроба святою. Ти видѣша чюдо преславьно. Телеси святою никакоя же ѣзвы имоущи, нъ присно все цѣло и лици бяста свѣтьлѣ акы ангела, яко дивитися и архиепископоу зѣло» (с. 488—490). А в *Сказании о Борисе и Глебе* то же самое происшествие излагается другими выражениями: «Се же пречюдьно бысть и дивно и памяти достоино, како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святого, то же не врежено пребысть ... нѣ свѣтьло и красьно, и цѣло и благоу воню имоущю. Тако Богу съхранивъшю своего страстотърпьца тѣло» (с. 384). *Даже* если об этом чуде рассказывается в четырех произведениях без существенных тематических различий, надо заметить, что начальные слова похвального слова *Сказания* «Се же пречюдьно бысть и дивно и памяти достоино» являются почти буквальным переводом из одного агиографического сочинения, названного *Licet plura nobis*, посвященного рассказу о перенесении мощей святого Вячеслава. Это произведение на латинском языке, созданное, по мнению Пекаржа, в Богемии во второй половине X века[8], в *рукописях* следует за *Легендой Гумпольда*. В *Licet plura nobis* это чудо излагается следующими словами: «Quid enim mirabilius quam corpus sub terra positum quasi sub aromatum condimenta per aliquot curriculum annorum incorruptum conservare»[9].

Вскоре после погребения на гробнице святого Вячеслава заметили четыре преславных чуда: «Та же божиемъ вседръжительствием, часто свѣтящимъся бесчислеными его чудесы» (с. 64). Предивные исцеления начали происходить и на могилах Бориса и Глеба: «Тако и си святая постави свѣтити въ мирѣ премногыими чюдеси, сияти въ роусьскѣи сторонѣ велицѣи, иде же множьство стражющиихъ съпасени бывають... болѣзни вься и недоугы отъгонита, соущихъ, въ тьмьницахъ и въ оузахъ посѣщающа» (с. 389).

Кроме мотива тела, чудесно сохранившегося нетленным под землей, еще отмечается другое чудо, которое связывает *Легенды*, посвященные святому Вячеславу, *Чтение* Нестора и *Сказание о чудесах Бориса и Глеба*. Это рассказ о чудесном освобождении заключенных. В нем раскрываются очень значительные композиционные и семантические сближения этих произведений. Вячеслав, Борис и Глеб, пользовались властью, которую имели в своем рас-

поряжении, для того чтобы благоприятствовать справедливости и благу в обществе, в котором они жили. Следовательно, они выступали как утешители страдающих, оказывали поддержку беззащитным и не могли быть равнодушными к молитвам заключенных, несправедливо забытых в тюрьме.

В *Легенде Гумпольда* и в *Легенде Никольского* заключенные — это мужчины, арестованные за преступления и брошенные в тюрьму по княжескому приказу. Так как их положение стало невыносимым, они обратились к Богу, чтобы получить помилование от Бога ходатайством святого Вячеслава: «Qui semper iam in mundo vivus, miseris pro tuo nomine benignus exotitit defensor» (с. 64). Бог благосклонно выслушал просьбу несчастных заключенных, и посредством ходатайства святого Вячеслава они чудесным образом были освобождены от тюрьмы. В *Легенде Гумпольда* это чудесное событие описывается такими словами: «Extinctisque intus ardentibus vigilum lucernis cetera pars, qua vincti iacent, quasi sole clarissimo serenatur. Et ecce vox repentina coelitus, ut vere credendum est, emissa, vinctis in aures tonat; ut surgant indicit... apertoque divinitus carceris hostio, laeti exiliunt. Ita dei nutu expediti, laudes Christo sanctoque eius martiri Vencezlavo inter populos referunt...» (с. 64—66). В *Легенде Никольского* такое чудесное происшествие переведено совершенно верно, изменений в тексте нет. Обстановка освобождения заключенных, описанная Гумпольдом, бесспорно, напоминает о чудесных способах, которыми сам Господь, как мы читаем в *Апольстольском Деянии*, освободил святых Апостолов: «Angelus autem Domini per noctem aperuit ianuas carceris et educens eos dixit: "Ite et stantes loquimini in templo plebi omnia verba vitae huius"» (5, 19—20) и затем апостола Петра: «Et ecce angelus Domini astitit, et lumen refulsit in habitaculo; percusso autem latere Petri, suscitavit eum dicens: "Surge velociter!" Et ceciderunt catenae de manibus eius...» (12, 7—8). В обеих ситуациях Ангел Господа открывает двери тюрьмы и заставляет Апостолов и самого Петра убежать из тюрьмы.

В *Чтении о Борисе и Глебе* это чудесное событие отнесено ко времени правления князя Ярослава. Некоторые люди, уже отбывшие наказание, были забыты в тюрьме судьей. Так как они находились в безнадежной ситуации, они начали призывать молитвами Бориса и Глеба, для того чтобы те ходатайствовали за них к Богу. Однажды вечером, пока они возносили молитву Богу и святым, произошло дивное событие: «И се внезапу открыся покровъ оузници и свѣтъ восия въ неи. Они же въздѣвше очи свои, ти видѣша святою на росноу коню и отрока предъ ними свѣщю држаща, и ужасни бывше. Падѣше, поклонишеся има. Святая же глаголаста къ нимъ. Не боитеся вѣ бо есвѣ Борисъ и Глѣбъ... и се нынѣ приходивѣ свободить васъ от скорби тоя». (с. 679). Борис и Глеб, явившись на конях, освободили их от ужасных оков, сковывавших

их руки и ноги, но не открыли им двери тюрьмы. Двое святых их только успокоили, сказав, что судья скоро их освободит, потому что они уже искупили свою вину. Стражи, прибежавшие на большой шум, узнали о происходившем и все рассказали судье, который, позвав их, дал приказ немедленно освободить заключенных из тюрьмы: «Онъ же повелѣ призвати я к себе... Онъ же почюдився тому вельми, отпусти я съ миромъ и възвѣсти вся си Христолюбцю Ярославу» (с. 680). Таким образом, рассказ *Чтения* об этом чуде отличается в конечной части и от *Легенды Гумпольда* и от *Легенды Никольского*, где, как уже сказано, пленные сами убегают по божественному соизволению. В этом месте рассказ *Чтения* совпадает иногда буквально с текстом *Crescente Fide* и *Кристиановой Легенды*, в которых пленные освобождены именно судьями[10]. Наверное, средневековые латинские авторы для создания такой версии чуда обращались к *Апостольским Деяниям*, где подобная ситуация излагается по модели освобождения из тюрьмы апостола Павла, вышедшего на свободу именно по приказу одного магистрата. «Et cum dies factus esset, miserunt magistratus lictore dicentes: "Dimitte homines illos"» (16, 35–36).

В *Сказании о чудесах Бориса и Глеба* пленники тоже освобождены по приказу судья, однако рассказ об этом чуде снабжается более сложным сюжетом и приобретает новое политическое и религиозное значение. Событие происходит во времена великого киевского князя Святополка Изяславича. Агиограф, который, несомненно, был политическим противником Святополка, рассказывает о чуде таким образом, чтобы бросить мрачные тени на князя и на его деятельность, обвиняя его в том, что он посадил в тюрьму двух человек, не проверив обвинения, предъявленного клеветниками. Пролог довольно простой, событие излагается почти летописным стилем: «Святоплъкъ князь въсадилъ бяше въ погребъ два моужа нѣ въ которѣи винѣ хоудѣ окована, и не справивъ нъ послоуша облыгающихъ, забывъ реченаго Давидъмъ пророкъмь...» (с. 536). Но бедные пленники, почувствовав себя забытыми, начали интенсивно призывать на помощь Бориса и Глеба, которые через некоторое время явились им в обстоятельствах, подобных тем, которые были описаны в *Легенде Гумпольда* и в *Чтении*, но здесь двое святых спросили заключенных, из-за чего те были посажены в тюрьму. Узнав об их невиновности, Борис и Глеб их освободили от оков и попросили одного из них пойти в церковь, чтобы рассказать обо всем случившемся, а другому же пленнику повелели остаться в тюрьме, где он вдруг стал совершенно слепым. Через три дня он был вылечен святыми Борисом и Глебом, для того чтобы все люди поверили славному чуду. Святые поручили двум пленникам пойти после выздоровления к князю Святополку и передать ему следующее послание, которое звучит страшным обвинением о его способе

правления: «И тъгда шедъша глаголѣта князю, по что сице твориши в не исправляя томиши и моучиши нъ аще ся сего не покаеши ни останеши сице творя кто вѣсто ти боуди, яко съблюдая ся пребываи, а не избудеши» (с. 543)[11]. Агиограф, противник Святополка Изяславича, показывает себя ярым сторонником Владимира Мономаха, тогда князя Переяславского, убежденного защитника культа Бориса и Глеба, поэтому рассказ о чуде заканчивается каноническим выражением: «Тъгда вси прославиша Бога и святая страстотрьпьца». Текст продолжается такими словами: «Володимиръ же иже и Мономахъ нареченыи, сынъ Всеволожь, въ та времена яко же рекохомъ, предрьжааше оубо Переяславьскоую оболость, и сь оубо любовь многоу имѣяше къ святыма...» (с. 550). Явная тенденциозная направленность, просматривающаяся в рассказе об этом чуде, подчеркивает творческую самостоятельность древнерусского агиографа в отношении к своим источникам. Кроме реминисценций из *Легенд* о святом Вячеславе и *Чтения о Борисе и Глебе*, в конечной части рассказа об этом чуде замечается и упоминание *Жития Георгия Амастридского*, сочиненного в IX веке во время патриарха Фотия. Мотив слепоты двух пленников напоминает один эпизод этого жития, в котором рассказывается, как Георгий Амастридский, епископ в Амастриде, епархии Византийской империи, ездил в Италию, чтобы добиться освобождения двух человек, заключенных там. Георгий Амастридский лишил зрения жену архонта того города из-за того, что ее муж сильно сопротивлялся освобождению пленников. Только после того как они были освобождены, женщина сразу поправилась. Но в *Житии Георгии Амастридского* освобождение пленников происходит без чудесных и удивительных происшествий[12]. Действительно, нельзя исключить, что в описании этого чуда Нестор и неизвестный автор *Сказания о чудесах Бориса и Глеба* самостоятельно обратились к *Апостольским Деяниям*[13], но вряд ли они так свободно могли бы обработать этот сюжет без определенного агиографического образца. Можно поэтому утверждать, что агиографические модели, которые древнерусские агиографы использовали в описаниях удивительных явлений, сопровождавших освобождение заключенных, были, несомненно, взяты ими из латинских *Легенд* о святом Вячеславе.

Приняв во внимание рассказы о некоторых чудесах святого Вячеслава и святых Бориса и Глеба, мы можем заключить, что древнерусские агиографы вообще употребляли различные источники западно-латинского происхождения в разработке своих сочинений. Вашица высказал мысль, согласно которой уже в конце X — нач. XI вв. в Богемии существовала одна латинская компиляция, может быть, на старославянском языке, которая включала в себя и *Легенду Гумпольда* и другие *Легенды* из цикла о святом Вацлаве[14]. Одной латинской компиляцией такого типа мог пользоваться сам

Нестор в обработке *Повести Временных лет*, особенно *Скавания о преложении книг*, в котором О.Кралик подчеркивал чрезвычайную тематическую и выразительную общность с *Кристиановой Легендой о св. Вацлаве*[15].

Итак, в заключение можно утверждать, что средневековые агиографы сочиняли по определенному образцу не только жития святых, но и чудеса, ими совершенные. Лексические и тематические сходства, замеченные здесь, связывающие произведения о святом Вячеславе с произведениями о Борисе и Глебе, никак не могли вытекать только из употребления общей средневековой агиографической фразеологии и стилистических штампов. Они вытекали из знания древнерусскими книжниками литературных памятников западно-латинского средневековья и прямого и сознательного их использования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Это понятие повторно утверждается в начальной части «Сказания чудес святою страстотерпцю Христову Романа и Давида» в: Revelli G. Литературные памятники о Борисе и Глебе. Monumenti letterari su Boris e Gleb. Genova, 1993, 477–482.

2 Об этом не упоминается только в *Первой старославянской легенде (Востоковской легенде)*, которая кончается рассказом об убийстве князя Вячеслава: Рогов А.И. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. Москва, 1970, с. 39.

3 Перенесения мощей являются постоянными событиями в Житиях святых: Dubois, J. Culte au tombeau. Le «depositio martyrum». Les martyrologes du moyen age latin. Brepols, 1978, s. 71–78; Lenoff, G. The Martyred princes Boris and Gleb: a socio-cultural study of the Cult and the Texts. Columbus, Ohio, 1989, pp. 26–55.

4 Никольский Н. Легенда Мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе чешском в славяно-русском переложении. СПб., 1909. На это издание мы будем затем ссылаться, указывая в тексте страницу.

5 Агиографическое сочинение о святом Вячеславе, написанное на латинском языке в Баварии в X веке, издано в Fontes Rerum Bohemicarum. I, v Praze, 1873, c.183–190.

6 Об этом см.: Jakobson, R. Some Russian echoes of Czech Hagiography: 1. The translation of st. Venceslav's Relics. // Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, VII, New York, 1944, p. 155–175.

7 Мы будем цитировать памятники о Борисе и Глебе по изданию: Revelli, G. Литературные памятники о Борисе и Глебе. Monumenti letterari su Boris e Gleb. Genova, 1993. Страницы издания далее указаны в тексте статьи.

8 Perat, J. Die Wenzels-und Ludmila-legenden und die Echtthit Christians, Praga, 1906, s. 38–39; Urbanek, R. Legenda t. zv. Kristiana. Dil I, II čast, v Praze, 1948, pp. 224–229.

[9] Pekař, J. Die Wenzels-und Ludmila-legenden und die Echtheit..., c. 385–386.

[10] Об этом см.: Ingham, W. Czech Hagiography in Kiev. The prisoner Miracles of Boris and Gleb // Die welt der Slaven. Jahrgang X, Heft 2, Wiesbaden, 1965, pp.166–182.

[11] Об этой фразе см.: Florja, V.N. Vaclavska legenda a Borisovsko-Glebovský kult (Shody a rozdily) // Ceskoslovenský časopis historicky, № 26, 1978, c. 88–89.

[12] Об этом см.: Васильевский В. Русские и византийские исследования. Вып. II. СПб., 1908, с. 43–49.

[13] В XI–XII веках, наверное, уже употреблялся на Руси полный перевод *Апостольских Деяний* на церковнославянский язык. По этой теме см.: Рижский М.И. История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978, с. 15–22; Vaillant, A. La préface de l'Evangéliaire vieux-slave // Revue des études slaves. Vol. XXIII. Paris, 1947, p.17.

[14] Vašica, J. Druha staroslovenska legenda o sv. Václavu // Sbornik staroslovanských literárnich památek o sv.Václavu a sv. Ludmile. Praha, 1929, c.78–79.

[15] Кралик О. Повесть временных лет и Легенда Кристиана о святых Вячеславе и Людмиле // ТОДРЛ. Т. XIX. М.—Л. 1963, с. 201.